

Кавех со всей своей архитектурной дотошностью взялся за восстановление разгромленной комнаты. Однако на полпути он просто сел прямо на пыльный пол, тщетно пытаясь разгадать величайшую загадку вселенной.

— Да как так-то? — пробормотал он, разводя руками. — Сила удара пришлась вот сюда, тут просто яма, а стены вокруг осыпались к чертям собачьим! Как это вообще работает с точки зрения физики?

Дыра, которую Сатору пробил своим шагом, восстановлению не подлежала, но куда сильнее удручали потрескавшиеся стены. Смотреть на них без слез было решительно невозможно.

От известковой взвеси першило в горле. Сделай пару глубоких вдохов — и пиши пропало, закашляешься насмерть. Куда-то подевался весь привычный лоск блестящего архитектора: сейчас Кавех походил на чумазого домового, с ног до головы покрытого серой пылью. С другой стороны, на стройплощадке чистеньким не останешься, а к подобному антуражу ему было не привыкать.

— Хочешь разгадать загадку — попроси его повторить на бис, — раздался от двери ровный голос.

Аль-Хайтам подпирал плечом косяк и заходить внутрь, судя по его виду, категорически не собирался.

— Ну уж нет, уволь... кха! Кха-кха! — Кавех поспешно замахал руками и тут же закашлялся, глотнув пыли. — Спасибо, обойдусь без повторений.

Он тяжело вздохнул. М-да, задачка оказалась со звездочкой. Пожалуй, стоило плюнуть на гордость и вызвать строительную бригаду семьи Вонгола — у тех наверняка был богатый опыт восстановления зданий после разборок эсперов и магов.

В отличие от замученного Кавеха, Ранпо Эдогава провел этот день просто великолепно. Суматошно, шумно, но безумно весело. Когда за ним приехали родители, мальчик откровенно не хотел уходить.

— Ранпо, егоза, а почему на тебе другая одежда? — Сэйко ласково взъерошила его темные вихры. Пальцы ощутили приятное тепло и легкую влажность — похоже, сына перед уходом еще и в душ загнали. — Ну расскажи, весело было?

— Да там... пылица поднялась, вот вещи и испачкались, — буркнул Ранпо, утыкаясь носом маме в бок. Пухлые детские щеки забавно сплющились от этого объятия. — А так... нормально в целом. Там нашлось несколько забавных ребят.

Услышать от маленького гения подобную оценку — дорогого стоило. Наверное, он впервые в жизни столкнулся с теми, кто не смотрел на него как на диковинного зверя, а понимал с полуслова. Да еще и втянул в такую грандиозную заваруху, от которой у взрослых волосы дыбом вставали.

— Значит, ты не против прийти сюда снова? — улыбнулась Сэйко.

Ранпо промолчал. Он лишь смущенно уткнулся лбом матери в живот, пряча лицо, но Сэйко слишком хорошо знала своего ребенка, чтобы требовать признаний вслух.

"Ему здесь безумно понравилось"

— Ну, договорились. В следующий раз обязательно приедем сюда снова.

Забрав у сына пакет с испачканной одеждой, она даже не спросила, куда подевался его любимый рюкзачок с игрушками. Сэйко просто ласково увлекла Ранпо за собой к припаркованной машине.

Сигэо Эдогава, устроившийся на водительском сиденье, краем уха прислушивался к их болтовне. Напряжение, державшее его весь день, наконец спало, и он тихо, облегченно выдохнул. Для их маленькой семьи этот визит был прыжком в неизвестность, отчаянным шагом. Отправляясь вечером за сыном, Сигэо мысленно готовил себя к худшему — к истерике, замкнутости или обиде. А в итоге они получили самый настоящий триумф.

Радость на лице Ранпо перевешивала любые опасения. Сигэо было глубоко плевать, какими пугающими силами обладают приемыши Аль-Хайтама. Он давно научился искусно разыгрывать слепоглухонемого, когда дело касалось чужих секретов. Да и кто, кроме него, додумался бы сопоставить сотни разрозненных, на первый взгляд не связанных друг с другом архивных записей и отчетов, чтобы увидеть скрывающуюся за ними невероятную правду? Никто.

Подобное тянется к подобному, аномалии притягивают друг друга. Сигэо оценивал мир трезво: уникальный дар его сына был очевидным отклонением от нормы. Гениальностью, граничащей с безумием. Но быть белой вороной — это всегда про боль, тотальное одиночество и глухую стену непонимания. Пройдя через бесконечные разочарования и набив немало шишек, Сигэо лишь к зрелым годам понял, как правильно направить собственные выдающиеся способности, не разрушив себя.

И все же, когда судьба свела его с Сэйко и он осознал, что эта женщина делит с ним ту же участь "ненормальности", его захлестнула такая волна облегчения, что захотелось плакать. Он наконец обрел душу, способную заглянуть в его внутренний мир без страха и осуждения.

Помня о собственной тяжелой ноше, перед рождением первенца Сигэо истово молил небеса лишь об одном: пусть мальчик родится самым простым человеком. Пусть он не унаследует их проклятый дар, пусть проживет обычную, тихую жизнь, наполненную понятными каждому

радостями и горестями. Увы, судьба распорядилась иначе. Гениальность Ранпо превзошла все мыслимые пределы, сделав его чужаком среди сверстников с самых пеленок. Родителям не оставалось ничего другого, кроме как возвести вокруг него невидимые, но прочные стены, оберегая хрупкую психику сына от жестокости обывателей.

Но теперь все изменилось. Их "неправильный" Ранпо нашел себе таких же "неправильных" друзей. И пускай для остального мира он так и останется непонятым одиночкой, здесь, согретый теплом родственных душ, он сможет расти счастливым и беззаботным ребенком.

— Хе-хе... — Сигэо тихо рассмеялся себе под нос.

Радость распирала грудь настолько, что ему до зуда в ладонях захотелось вдавить педаль газа в пол и продемонстрировать семье все трюки экстремального вождения, на которые он был способен.

— Даже не думай лихачить, — мягко, но непреклонно осадила его Сэйко, читая мысли мужа как раскрытую книгу. — Мы с Ранпо твоих каскадерских номеров не переживем.

Пока на заднем сиденье сидел их драгоценный сын, она не собиралась позволять супругу даже секундную слабость.

— Слушаюсь и повинуюсь, любовь моя, — заулыбался Сигэо и послушно сбросил скорость.

В конце концов, на заднем сиденье у него ехало два самых ценных сокровища во всей вселенной. Рисковать ими он бы не стал ни за какие коврижки.

Семья Эдогава укатила в самом благостном расположении духа, а вот в доме Аль-Хайтама воцарилось озадаченное молчание — назревала очередная бытовая дилемма.

— М-да... — Кавех задумчиво почесал кончиком карандаша за ухом. — Послушайте, а что, если нам сделать пристройку с полноценным тренировочным залом?

Решив раз и навсегда закрыть вопрос с разрушениями в жилых комнатах, архитектор уже несколько часов кряду увлеченно чертил проект глобальной перепланировки дома. Собственно, приложить руку к этому жилищу он мечтал с самого первого дня. Пространство здесь использовалось из рук вон плохо, а планировка категорически оскорбляла его тонкое эстетическое чувство. Раз уж все равно затеяли ремонт, стоило довести дело до ума: дорисовать чертежи до приезда рабочих из Вонголы и разом обновить весь дом. Ждать оставалось совсем недолго.

— Одобряю! Делаем! — с готовностью воскликнул Сатору, закивав головой.

— И физическую подготовку вам тоже не мешало бы подтянуть, — сухо добавил Аль-Хайтам.

Он красноречиво посмотрел сначала на Сюдзи Цусиму, чьи боевые навыки находились на уровне дворового забияки, а затем на Акико Ёсано, умевшую лишь наводить ужас на врагов бензопилой и хирургическими инструментами. Очевидный перекося в сторону теории и хаотичной агрессии требовал немедленного вмешательства.

В конце концов, даже самый утонченный ученый должен иметь в рукаве весомый аргумент на случай, если дискуссия зайдет в тупик, а тратить слова впустую не захочется. Аль-Хайтам до сих пор прекрасно помнил свое первое откровение после получения Дендро Глаза Бога: "Теперь мои удары будут куда ощутимее". Прекрасный способ мгновенно вразумить любого недалекого оппонента.

И пускай у Акико с Сюдзи не было в арсенале столь же нечестных, ломающих законы физики техник, как у Сатору, они просто обязаны были научиться держать удар и беречь собственные шкуры.

— Вон, посмотрите на Кавеха, — Аль-Хайтам кивнул в сторону архитектора. — Этот неженка при желании может одной левой крутить двуручный меч, просто сейчас ему лень и он перекладывает всю тяжелую работу на Мехрак.

Кавех, годами таскавший кирпичи на стройках и обладавший весьма внушительной мышечной массой, недовольно фыркнул, но возразить не смог. Сами сумерские ученые всегда славились гармоничным развитием ума и тела — и в науке преуспевали, и сдачи могли дать так, что мало не покажется. Вполне логично, что и своих подопечных они собирались воспитывать по тем же суровым стандартам Академии.

— Ну... ладно уж, — уныло протянул Сюдзи Цусима.

Спорить было бесполезно: придется осваивать премудрости рукопашного боя, к которому у него никогда не лежала душа.

— Хорошо, — коротко кивнула Акико Ёсано.

Ей эта идея далась куда проще. Работа полевого хирурга — адский физический труд, требующий выносливости. За те бесконечные часы, что она провела у операционного стола под завывание снарядов, её тело уже успело приобрести красивый, подтянутый рельеф.

Вопрос с тренировочной зоной закрыли, но фантазию архитектора было уже не остановить. На него буквально лавиной хлынули новые идеи.

— Так, Акико жизненно необходима современная медицинская лаборатория — старая-то приказала долго жить. А-Дзи и Сатору постоянно залипают в приставки, так почему бы не

выделить им под это отдельную игровую комнату? А еще нужно обустроить гостевой уголок для Ранпо, он ведь теперь наверняка зачастит к нам...

От обилия возможностей у Кавеха закружилась голова. Сколько же свободного пространства пропадало зря! Обязательно нужно спроектировать несколько запасных спален — кто знает, сколько еще бездомных сирот принесет им судьба в будущем.

Карандаш в его пальцах порхал над ватманом, послушный стремительному потоку мыслей. Архитектор увлеченно переносил свои архитектурные фантазии на бумагу. Творчество всегда окрыляло его, но сейчас, когда он создавал гнездо для своей новоявленной, пусть и безумной семьи, вдохновение переливалось через край. Ему хотелось вложить в эти стены всю душу, сделать каждую деталь идеальной.

Ребята, замороженные уверенными взмахами его руки и выразительными набросками, незаметно для себя тоже включились в процесс.

— А в моем кабинете можно повесить подробные анатомические атласы и схемы в разрезе? — подала голос Акико. — Мне так спокойнее работается.

— Эй, у меня вообще-то разрушительные техники! — влез Сатору, размахивая руками. — Обычные стены я снесу при первой же тренировке, так что сделай там какую-нибудь сверхпрочную обшивку. И еще... можно установить там вольер для проклятых существ? Я бы поймал парочку, чтобы тренироваться на них, ну или просто играть!

— Если будет игровая комната, постели туда огромный, мягкий ковер на весь пол, — подал идею Сюдзи. — Чтобы можно было развалиться прямо на полу, это же так здорово.

Кавех едва успевал строчить их бесконечные "хотелки" на полях проекта. Любой другой архитектор на его месте давно бы взвыл от капризов столь несносных заказчиков, но Кавех лишь тепло улыбался. Это ведь были его дети. И пускай их запросы порой граничили с безумием, он был готов расшибиться в лепешку, лишь бы порадовать каждого из них.

Карандаш скользил по бумаге, стирательная резинка мелькала туда-сюда. Под конец дети окончательно перестали понимать нагромождение профессиональных схем и линий, но это не мешало им сгорать от любопытства. Они обступили Кавеха плотным кольцом, заглядывая через плечо и полностью загораживая свет.

— Ой! — вскрикнул Кавех, резко вскинув голову, и тут же со звонким стуком врезался лбом сразу во все три детские макушки.

Раздался дружный стон. Вся четверка дружно отшатнулась и плюхнулась на пятые точки. К счастью, мягкий ковер амортизировал падение, уберегши их от синяков.

— Кха... — Аль-Хайтам поспешно прикрыл рот рукой и отвернулся к стене.

Сдерживать смех становилось решительно невозможно. Картина была неопишимо глупой: великовозрастный Кавех и трое его подопечных сидели на полу с абсолютно ошарашенными лицами, потирая лбы. Настоящие недотепы. Если бы он прямо сейчас не отвел взгляд от этих недоуменных физиономий, то точно расхохотался бы в полный голос, разрушив свой образ невозмутимого ученого.

— Живые? Не ушиблись? — засуетился Кавех.

Он поочередно притянул ребят к себе, бережно потирая ладонью их покрасневшие лбы и легонько дуя на них — точно так же, как делают заботливые родители, утешая плачущих малышей после падения.

— Все нормально... — вразнобой пробормотали дети.

Акико, Сатору и Сюдзи густо покраснели до самых кончиков ушей. В этот момент у каждого из них в глубине души шевельнулось странное, давно забытое желание — обнять Кавеха за шею, зарыться носом в его мягкое плечо и капризно захныкать, требуя еще больше ласки.

В их прошлых жизнях не было места слабости. Окружающие требовали от них железной воли, уникальных результатов, безупречных побед над врагами. Им приходилось носить тяжелые маски безупречности и силы с самых малых лет. А когда носишь маску слишком долго, она прирастает к коже так прочно, что сорвать ее кажется почти невозможным. Обычное детское желание приласкаться казалось им сложной наукой — чем-то до безумия неловким, постыдным, о чем страшно заикнуться вслух. Но ведь капризничать, искать утешения у близких и жаловаться на то, что тебя расстроило — разве не в этом заключается самое простое, естественное право любого ребенка?

— Знаете... — подал голос Аль-Хайтам, пряча лукавую усмешку за раскрытой книгой. — Если вам вдруг приспичит поизображать домашних хомячков и покататься по полу, мы мешать не станем. Разве что похлопаем для приличия.

Судя по тому, как подергивались его плечи, он в красках представил, как три грозных эспера и будущих сильнейших магов катаются по ковру пушистыми клубочками. Честно говоря, наблюдать за тем, как эти вечно серьезные, рассуждающие по-взрослому сорванцы заливаются краской от смущения, было ни с чем не сравнимым удовольствием.

— Да ни за что на свете! — взвился Сатору, сердито округлив глаза.

Он даже не заметил, насколько сильно в этот момент походил на взъерошенного, шипящего котенка, у которого перед самым носом раскрыли тайную заначку с игрушками.

Акико и Сюдзи предпочли тактику самообмана: они замерли, напоминая напроказивших котят, которые спрятали мордочки под хвостами в надежде, что если они никого не видят, то и их никто не замечает.

— Ну ладно вам, будем шуметь. Черновик проекта утвержден, — мягко примирил всех Кавех.

Заметив, что у ребят пылают не только щеки, но и уши, он поспешно дал им спасительный мостик для отступления, едва сдерживая смех.

"До чего же славные ребяташки"

В конце концов, даже такому доброму и мягкому человеку, как Кавех, не был чужд невинный родительский азарт — слегка подразнить своих любимых сорванцов.

<http://bllate.org/book/18256/1755672>